

Пётр Гладилин

Музыка для ТолСтых

Пьеса

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

2 Действующие лица

Василий Снегирев — мартовский кот, оборотень, Казанова,
поэт, он же квадрат, покрашенный черной краской.

Антонина Чумакова — правильная девушка, умничка.

Вера Басманова — бедовая девушка.

Коля Егоров — простой русский парень, блатной.

Володя Кузнецов — человек большой мечты, умница.

Константин Заломов — полковник, герой.

Степан Лучников — поэт, сотрудник Комитета государственной безопасности.

1

*1954 год от Рождества Христова.
Москва, коммунальная квартира (номер восемь).
Второй дом по Каретной, вверх по лестнице направо.
На буфете сидит кот и говорит человеческим голосом.*

Василий Снегирев (кот). Говорят, что коты живут до двенадцати лет. Не верьте ветеринарам, коты бессмертны! Об этом знали еще древние египтяне, они обожествляли нас. Все коты без исключения — оборотни. Сегодня я кот, а спустя мгновение — мальчик, бегущий по улице, военный, бездомный пес или пенсионер, а потом воробей, купающийся в луже. Для того чтобы превратиться из себя в дворника или члена советского правительства, скажем, в товарища Маленкова, мне нужно всего лишь несколько мгновений. Не верите, я вам сейчас продемонстрирую!

Появляются две девочки с бантами, в школьных передниках.

Вера. Кс-кс-кс-ксс!

Тоня. Кс-кс-киса, кисонька!!

Василий. Извините, продолжим в другой раз.

Тоня. Вася, Васенька, Василечек.

Вера. Васька, мразь поганая, смотри, куда залез!

Василий. Прошу не васькать. Я Васька, не Колька и не Петька! Я знаю двенадцать языков, я поэт, у меня одних только дневников двадцать тетрадей по девяносто шесть страниц каждая.

Тоня. Окружай его.

Вера. Не бойся, хватай за шкуру.

3

Тоня. Смотри-ка, шипит.

Вера. Не шипи, дурачок, мы тебя лечить будем! Сегодня всю ночь кашлял, жильцам спать не давал!

Тоня. Надо, чтобы он над горячей картошкой подышал. Мы тебе сделаем ингаляцию!

Василий. Это, господа, не египтяне, это юные пионеры. Надо уносить ноги, пока меня не бросили в раскаленную алюминиевую кастрюлю. Никакого почтения, никакого почтения! *(Убегает.)*

Девочки бегут за ним.

Тоня. Вася, Васенька, Василек, ну куда же ты?!

Вера. Врешь, не уйдешь!

Из-под шкафа вылезает кот. Слегка потрепанный, но еще бодрый.

Кот. Какое сегодня число? Восемнадцатое ноября тысяча девятьсот сорок шестого года. День каюк, а у меня в голове ни одной мысли! Две юные фурии преследуют меня с одиннадцати часов утра. Они хотят меня поймать и напоить валерианкой. Это их любимое развлечение — смотреть, как у меня подкашиваются ноги, как я бьюсь мордой о пол. Подобно античным грекам, юные пионеры обожают наслаждаться зрелищем пьяного раба. Но я не раб! Я свободный гражданин мира! Я независимый депутат Вселенной!

Вера. Ах, вот ты где, голубчик!

Кот. Мне пора, господа, извините! *(Убегает.)*

*Девочки гонятся за котом.
Спустя какое-то время кот вылезает из-под дивана.*

Кот. Я коренной москвич, я живу в этом городе с тысяча девятьсот одиннадцатого года. Я знал многих сильных мира сего. Я перебежал дорогу Кагановичу, я жил у артиста Качалова, сам Казимир Малевич написал мой портрет. Об этом подробнее. Однажды

в собачий холод, зимой, в феврале, в МОСХе выдавали карпа, тощего, изможденного, но живого! Казимир принес в мастерскую рыбу и решил подкупить к ней пшенной каши, для чего и, фьють... ретировался. Я был жутко голоден... и только Казимир скок за порог, я рыбу сожрал-с. Вернувшись с рынка и отметив про себя отсутствие рыбы, Казимир открыл пасть и говорит мне: «Какая же ты сволочь, Василий! Дай-ка я тебя нарисую!» Достал мольберт, посадил меня на подоконник, высунул язык и стал рисовать. А когда закончил, я заглянул ему через плечо. Картинка представляла из себя квадрат, замазанный черной краской. Изумленный, я спросил: «Казимир, а где же здесь я?» — «Это и есть ты», — ответил он. — «Да здесь меня нет, все черным-черно». — «Ты черный кот в темной комнате, тебя не видно». — «А почему картина квадратная?» А он мне говорит: «Оттого, что ты не просто сволочь, Василий. Ты сволочь в квадрате! Ты мою рыбу съел!» А теперь на мой портрет весь мир молится — русский авангард начала века, концептуальная живопись!

Появляются девочки.

Тоня. Васенька, Василечек.

Вера. К-сс, к-сс.

Кот ретируется.

Кот. В ту ночь они меня поймали, сделали ингаляцию над горячим картофелем и напоили валерианой. Я был пьян, я лизал одалискам руки, я объяснялся им в любви, а наутро у меня трещала голова и ужасно хотелось опохмелиться. Я испытывал к этим двум красивым девочкам смешанное чувство любви и ненависти. И тогда я дал себе клятву отомстить жестокой мстью. Я вам преподнесу нравственный урок, дождусь той поры, когда вы нальетесь соками

и предстанете перед моим чувственным взором молодыми обворожительными женщинами. Моя месть будет страшной и прекрасной одновременно! Ибо самое страшное оружие кота — это его *похоть!* Так точно и случилось. Прошло девять лет. Мои девочки выросли и похорошели.

2

*Весна, пахнет липовыми почками, от Москвы-реки
веет прохладой.
Смеркается.*

Тоня. Хочу замуж.

Вера. Ну наконец-то честно призналась. А то изображает из себя скромницу.

Тоня. Мой муж будет необыкновенным человеком, я это точно знаю. Он будет великим человеком, а я буду его сподвижницей.

Вера. И что же ты двигать-то будешь?

Тоня. Науку, кинематограф или изобразительное искусство, что-нибудь в этом роде... я буду его соратницей, как Женни Маркс или Надежда Константиновна Крупская. Теперь я точно знаю — у меня в жизни есть высочайшее предназначение.

Вера. Всю жизнь прожить с одним мужиком, тоска!

Тоня. Как тебе не стыдно такое говорить. А как же Алеша Петров, вы же собираетесь пожениться! И ты хочешь стать его женой, с такими преступными мыслями! Выходишь замуж, точно зная, что будешь изменять.

Вера. Ничего не могу поделать, Тося, я очень влюбчивая!

Тоня. Ты не влюбчивая. Ты знаешь кто? Ты развратница!

Вера. Ничего подобного, между прочим, я еще девушка.

Кот (*надевая милицейскую португю*). Вот оно пришло, мое времечко! Пospели вишенки!

Тоня. Бедный Алеша!

Вера. Эх, сейчас бы с тигреночком поиграть, они такие хорошенькие, у них такие лапы толстенные, мордочки такие сладенькие, поедem в цирк, познакомимся с дрессировщиком, может, разрешит поиграть с тигреночком. А?

Кот. Тигреночка вам захотелось! А не хотите ли, барышни, получить вместо тигреночка тощего и облезлого мартовского кота, чья кровь кипит от сатанинской страсти, чьи глаза светятся во тьме ночной светом геенны огненной!

С небес на землю падает кот в образе милиционера.

Милиционер. Здравствуйте, девчата!

Вера. Здравствуйте!

Милиционер. Не видали, не проходил здесь парень в сапогах, в мохеровой кепке, с женской головой под мышкой? Вот бандит, отрезал бабе голову и бежать. А еще говорят, что СССР самая грамотная страна в мире!

Тоня. Мне плохо, я сейчас в обморок упаду, дай мне руку!

Вера. Из ревности, наверное, или сумасшедший!

Милиционер. Да не бледнейте вы, не надо, баба-то не живая, гипсовая, стояла в парке культуры и отдыха на постаменте, с веслом в руке, он ей голову спилил и в кусты, подонок! У него еще усы рыжие и ножовка по металлу в правой руке!

Вера (*крестится*). Слава тебе, Господи! Ну и напугали же вы нас!

Милиционер. А вы что, в Бога веруете?

Вера. Верую!

Милиционер. Тогда предъявите документы!

Тоня. Мы вышли подышать свежим воздухом, у нас нет документов.

Милиционер. Значит так, в Бога вы веруете, а документов у вас нет. Составим протокольчик.

Тоня. А может быть, не надо?

Милиционер. Имя, отчество, фамилия, год рождения.

Вера. Вера Басманова, тысяча девятьсот тридцать шестого года рождения.

Тоня. Антонина Чумакова, тысяча девятьсот тридцать шестого года рождения. Родилась в Самаре.

Милиционер. Отлично. Я буду спрашивать, отвечайте.

Тоня. Товарищ милиционер, отпустите нас, пожалуйста! У меня дома суп на плите стоит.

Милиционер. Стоять! Первый вопрос такой...

Вера. Ну?

Милиционер. Вы не чувствуете, что время уходит безвозвратно, вы не боитесь, что незаметно наступит старость и жизнь окажется случайным даром, которым вы не сумели разумно распорядиться?

Вера. Как это? Я не понимаю.

Милиционер. Отвечайте по существу, или я вас доставлю в отделение, и там с вами по-серьёзному разберутся.

Тоня. Я с вами абсолютно согласна, мне уже восемнадцать лет, а я в жизни еще ничего не успела совершить.

Милиционер. Запишем, так-с, ничего в жизни не успела. Отвечайте, Басманова.

Вера. Вы за меня не волнуйтесь. Я летом пойду учиться в торговый техникум.

Милиционер. Хорошо, допустим.

Вера. Какой-то странный мусорок.

Милиционер. А вот я чувствую страшное одиночество... мне кажется, что я живу среди людей, не желающих мыслить, попавших в круговорот обыденности. Скажите, у вас лично есть жажда мыслить?

Вера. Я бы лично выпила сейчас морсику холодненького.

Милиционер. По существу, пожалуйста!!!

Тоня. Я очень хочу мыслить.

Милиционер. Вы?

Тоня. Я!

Милиционер. Вы это говорите серьезно?
Тоня. Вполне.
Милиционер. Вы считаете, что Бог есть, и желаете при этом быть существом мыслящим?
Тоня. Лично я не уверена в существовании Бога.
Вера. Тоже мне нашлась, колбаса сырокопченая, она мыслить хочет!
Милиционер. Скажите, как, по-вашему, могут люди без Бога в душе жить согласно законам общечеловеческой морали? Достигим ли нравственный идеал в обществе атеистов и безбожников?
Тоня. Достигим.
Вера. Тоня, аккуратнo, он на тебя глаз положил!
Милиционер. А вы читали Иммануила Канта?
Вера. Ага! Делать больше нечего!
Милиционер. А я вчера купил на барахолке первый том, давайте вместе читать мою книгу и пить чай с баранками.
Вера. Он тебя клеит, Тося!
Милиционер. Лично меня очень мучает вопрос о конечности человеческого бытия, как вы представляете себе свою собственную смерть? Вообще, вы часто думаете о смерти?
Тоня. Только когда к тетке на кладбище хожу. У меня тетка в прошлом году померла.
Милиционер. А могилка ухоженная?
Вера. А это имеет отношение к делу?
Милиционер. Имеет, раз спрашиваю.
Вера. Ухоженная, ухоженная могилка.
Милиционер. А стол с лавочкой есть?
Тоня. Есть и стол, и лавочка имеется.
Милиционер. Давайте сделаем свой философский кружок и будем читать мою книгу на могиле вашей тетки, потому что именно мысль о смерти обостряет в человеке желание мыслить.
Тоня. Я согласна, будем читать, я вообще люблю по кладбищу гулять в хорошую погоду.

Милиционер. Я думаю, в каждом человеке живет гений!
Только одни люди развивают в себе таланты, а другие нет!

Тоня. Из-за собственной лени!

Милиционер. А вы умная.

Вера. Товарищ, эта девушка — музейный экспонат, прошу руками не трогать!

Милиционер. Не встревайте, лучшая подруга, иначе с вами по-другому поговорим.

Тоня. Не обращайтесь внимания, она за меня волнуется.

Милиционер. Вообще-то, я много думаю о человечестве, я хочу знать, кто мы и откуда.

Вера. Я лично из Тулы приехала, у меня мать там осталась и две сестры.

Милиционер. Сегодня я чувствую необыкновенный прилив сил, я понимаю, что рожден для чего-то высокого, настоящего, неужели вы никогда не чувствовали в себе прилива положительных сил?

Вера. Обычно после баньки, когда попаришься с веничком.

Милиционер. Еще раз рот откроешь, стерва, я тебе пулю в лоб пущу.

Вера. Все, замолкаю навеки!

Милиционер. Вы согласны, что так, как мы живем, жить дальше невозможно? Мы спим, три раза в день кушаем, ходим на работу, но мы ведь от рождения мыслители.

Тоня. Я согласна, мне тоже хочется чего-нибудь такого.

Милиционер. Я хочу вас обнять. Можно?

Тоня. А зачем?

Милиционер. Все живущие на этой планете, все до единого, братья и сестры, давайте вчувствуемся в наше человеческое родство и помолчим.

Тоня. Давайте вчувствуемся.

Вера. Совсем девка из ума выжила.

Тоня. Давайте, давайте вчувствуемся.

Вера. Вот узнает Филин, что ты с мусором обнималась, достанется тебе на орехи.

Они обнимаются и молчат.

Милиционер. Мы — дети Вселенной, вы слышите, как бьется мое сердце?

Тоня. Я слышу!

Милиционер. Вы ощущаете наше космическое родство?

Тоня. Я ощущаю.

Вера. Ну и дела, они уже родственники.

Милиционер. Сестра моя, одна в целом мире.

Тоня. Брат мой.

Милиционер. Сестра моя!

Тоня. Брат мой!

Милиционер. Я ухожу. Мы расстаемся навсегда. Прощайте, наши объятия были честны и бескорыстны!

Тоня. Прощай, брат мой.

Милиционер (*уходя*). Прощай, сестра моя.

Вера. Скатертью тебе дорога. Провались ты пропадом.

Милиционер. Не забуду тебя никогда! (*Уходит.*)

Тоня. Ой, мама, зачем он ушел?! Он такой умный, он такой необычный.

Вера. Ничего особенного.

Тоня. Я упустила свой шанс, какая же глупая, надо было его остановить. Это был он, мой единственный.

Возвращается милиционер.

Милиционер. Я не мог уйти.

Тоня. Я знала, что ты вернешься!

Милиционер. Ты навеки сестра моя!

Тоня. Нет, я не сестра!

Милиционер. А кто же ты?

Тоня. Не знаю, но я не сестра тебе.

Милиционер. Ты возлюбленная моя!

Тоня. Я возлюбленная твоя.

Вера. Вот это номер! Она ему возлюбленная.

Милиционер. Мы больше никогда с тобой не расстанемся, ни на одно мгновение. Мы будем вместе всегда!

Тоня. До гробовой доски.

Милиционер. Возлюбленная моя.

Тоня. Единственный мой!

Милиционер. Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

Тоня. Я согласна.

Милиционер. Мы поженимся завтра!

Тоня. Поженимся!

Милиционер. Нет, сегодня!

Тоня. Я согласна!

Вера. А я против!

Милиционер (*хватаясь за кобуру*). Сгинь, мегера!

Тоня. Верочка, уходи, не мешай!

Вера. Ну и пойду, и черт с вами.

Тоня. Скажи маме, что я выхожу замуж.

Вера. Вот Клара Семеновна обрадуется. Пошла девочка подышать свежим воздухом, а вернулась семейная. (*Уходит.*)

Тоня. Я так счастлива, это сон или не сон?

Милиционер. Это не сон, это реальность, данная нам в ощущениях, существующая независимо от нашего сознания или наших представлений о ней.

Тоня. Определение материи?

Милиционер. Точно!

Тоня. Мы проходили.

Милиционер. Ты умная и талантливая, ты должна учиться!

Тоня. Обязательно!

Милиционер. Мы будем разговаривать о жизни и смерти, мы найдем секрет философского камня, мы научимся добывать золото из слов. Мы родим прекрасных детей, мы построим дома и вырастим деревья! Чувствую, что я не простой человек, я обязательно сделаю какое-нибудь открытие и прославлюсь. Я буду великим.

Тоня. Я буду тобою гордиться.

Милиционер. Ты тоже будешь много работать над собой и станешь гармонически развитой личностью!

Тоня. Обязательно стану, клянусь тебе!

Милиционер. Пойдем распишемся, ЗАГС работает до семи!

Тоня. Послушай, а как тебя зовут?

Милиционер. А я разве не сказал?

Тоня. Нет.

Милиционер. Владимир. Владимир Сергеевич... Кузнецов! Кстати, с сегодняшнего дня студент философского факультета МГУ!

Тоня. Поступил?

Милиционер. Да!

*Они убегают, взявшись за руки.
Появляется Вера.*

Вера. Тоня, Тоня. Не надо было оставлять их одних. Я сразу обратила внимание, китель был великоват, наверное, снял с убитого милиционера.

Появляется парень с женской головой под мышкой.

Парень. Здравствуйте, лифтера не вызывали?

Вера. И не жалко тебе, ведь кто-то старался, лепил, душу вкладывал!

Парень. Я эту башку за двадцать пять рублей впарю.

Вера. Какой дурак у тебя ее купит?

Парень. Клиент имеется. В порту работает крановщиком. У него жена точь-в-точь как эта баба с веслом, один в один, и нос такой же, и глаза, и уши, точная копия. Он свою жинку любит до смерти.

Вера. Какой деловой.

Парень. А ты думала! Закурить имеется?

Вера. Некурящая.

Парень. Пьющая?

Вера. Непьющая.

Парень. А может быть, гулящая?

Вера. Может быть.

Парень. Пойдем со мной, не пожалеешь!

Вера. Отстань. Прилип, как мокрая карамель к паркету.

Парень. У меня тетка за город уехала, квартира свободная стоит, горячая вода, полный холодильник жратвы, коньяки, наливки, холодное пиво. Залезем по пожарной лестнице, потом через форточку.

Вера. Вино? Вино я люблю! Сухое. Красное.

Парень. Как зовут?

Вера. Вера.

Парень. Николай!

3

Коммунальная квартира номер восемь.

Вера. Мама, что же я натворила! Какая же я глупая!

Тоня. Что кричишь, как на пожаре. Тише ты, Вова занимается.

Вера. Бес меня попутал. Майя принесла мохеровую кофточку с блестками, а денег у меня ни копейки, я сгоряча наценила кильку в томате на десять копеек новыми и продала пятьсот банок, а разницу себе в карман положила. А вечером звонит бухгалтер и говорит... завтра ревизия. Посадят меня, Антонина! Все! Проворовалась!

Тоня. Как тебе не стыдно, как ты могла докатиться до подобной низости!

Входит Володя.

Володя. Солнечный свет сводит меня с ума.

Тоня. Вова, откуда солнечный свет, ночь на дворе!

Володя. Не может быть! Кстати, а сколько мне лет?

Тоня. Скоро тридцать.

Володя. В среднем продолжительность жизни у мужчин шестьдесят восемь, минус тридцать, осталось

тридцать восемь, это в лучшем случае, если пове-
зет... (*Уходит.*)

Вера. Даже не поздоровался.

Тоня. Вот так целыми днями ходит из угла в угол и раз-
говаривает сам с собой.

Вера. У тебя не будет займа пятьдесят рублей, точно
такая же килька продается в сорок первом гастро-
номе, выкуплю ящик, отчитаюсь, потом кильку
продам и деньги тебе верну.

Тоня. Деньги немалые, я поговорю с Володенькой, такие
решения мы принимаем совместно, вдвоем.

Входит Володя.

Володя. Я не имею права согласиться с Шопенгауэ-
ром как член партии. Я не имею права мыслить,
я имею право только цитировать классиков марк-
сизма. Я раздавлен великими мертвецами! Маркс,
Энгельс и Ленин. Огромные усатые и бородатые
трупы, которых я обязан цитировать с утра до ве-
чера и ночью во сне!

Тоня. Володя, ты бы поздоровался.

Володя (*Вере*). Здравствуйте, Амалия Петровна. (*Ухо-
дит.*)

Вера. Он назвал меня Амалией Петровной.

Тоня. Не обращай внимания, он заговаривается в часы
активной умственной работы. Вчера за ужином
разговаривал с графином и сахарницей!

Вера. О чем?

Тоня. О субстанции и акциденции.

Вера. Про что, про что?

Тоня. Минуточку, минуточку, какая Амалия Петровна,
не та ли, что с кафедры обществоведения?

Появляется Володя.

Володя. Гениально сказано... ничто так не отдаляет чело-
века от истины, как истина, не доставшаяся в резуль-
тате собственного опыта. Гениально! Почему я сам

не мог до этого додуматься? А зачем, если это уже кем-то сказано. Неужели мы все родились слишком поздно? Неужели все сказано?! Здравствуй, Вера.

Вера. Мы здоровались сегодня.

Володя. Когда это?

Вера. Только что.

Тоня. Ты назвал ее Амалией Петровной.

Володя. А что, если и Фихте, и Лейбниц заблуждались насчет французского абсолютизма? Пойду разма- тывать клубок, интересно, интересно, черт, как ин- тересно. (*Уходит.*)

Тоня. У нас неприятности.

Вера. Что стряслось?

Тоня. У нас не приняли статью в «Вопросах филосо- фии». Его точка зрения оказалась недостаточно партийной.

Вера. Разве это неприятности?

Тоня. Это тебе не килька в томатном соусе. Речь идет об истине!

Вера. Тонечка, пятьдесят рубликов! Новыми!

Входит Володя.

Володя. Первый человек в космосе! Искусственный спутник с человеком на борту!

Тоня. Мы обогнали американцев! Мы первые!

Володя. Я, я, я мог быть им!

Тоня. Кем?

Володя. Первым космонавтом! Вы посмотрите, какое простое лицо, его зовут Юрий Гагарин. Почему не я? На этом месте могла быть моя фотография!

Вера. Значит, Вова, не судьба!

Тоня. Володенька!

Володя. Что, что Володенька, Володенька! Я упустил эпоху, я держал ее за хвост!

Вера. Плохо держал, получается!

Володя. Я не угадал направление главного удара! Техни- ческие дисциплины вышли вперед, а я залез с голо-

вой в тряхомундию, в эту воду разлитую. Наш народ штурмует космос, строит великие стройки, а я как бумажный червь сижу в четырех стенах и дышу бумажной пылью, слепну, гложу и медленно тупею в своей московской квартире, а ведь мне с детства снилось, что я летаю! Дурак, дурак, прощелкал!

Тоня. Надо его чем-нибудь отвлечь.

Вера. Володенька, можно я у вас займу до пятницы пятьдесят рублей?

Володя. Почему именно пятьдесят, а не семьдесят три и не восемьдесят девять?

Тоня. Дело вот в чем...

Вера. Я проворовалась!

Володя. Проворо... что?

Вера. Я на кильку подняла цену, а разницу в карман положила. Завтра ревизия.

Володя. Ничего не понимаю, что такое килька? Какая килька?

Вера. Килька — это рыбка.

Володя. Рыбка?

Вера (*показывает*). Вот такая маленькая.

Володя. Неужели?

Вера. Да, очень маленькая.

Володя. Ты украла маленькую рыбку?

Вера. Нет, много маленьких рыбок. Они лежали в жестяной баночке, в томатном соусе, таких баночек было много.

Тоня. Вова, Вова, как ты себя чувствуешь? Смотри, он побледнел.

Володя. Какие интересные метаморфозы! Рыбки плавают в море. Потом едут через всю страну по железной дороге, в железных баночках, а потом чудесным образом вторгаются в нашу жизнь, и вот мы уже о них разговариваем. Мы не видели реальных рыбок, но имеем суждение о них. Итак, ты их украла. У кого? Минуточку, чьи это были рыбки?

Тоня. Они были общенародной собственностью.

Володя. Допустим, какому народу они принадлежали?

Тоня. Советскому народу.

Володя. То есть эти рыбки согласно нормам международного права являются собственностью СССР.

Вера. Да.

Володя. Получается, что у страны, занимающей одну шестую часть земного шара, ты украла маленьких рыбок?

Вера. Да! Какая ерунда, если вдуматься.

Володя. Это не ерунда! Пока одни люди поднимают целину и штурмуют космос, другие под шумок тянут у своего собственного народа кильку в томатном соусе! И не важно, что страна большая, а килька маленькая, важен нравственный императив поступка, его смысл.

Тоня. Я согласна. Я категорически согласна. Это бандитизм!

Володя. Все, уезжаю из этого города, я не хочу дышать одним воздухом с мародерами и ворьем.

Тоня. Володенька!

Володя. Не прикасаться ко мне руками, не прикасаться! Я жить хочу, жить, я уезжаю в Сибирь строить ГРЭС!

Тоня. Какую ГРЭС?

Володя. Любую, мне все равно.

Вера. Перестань ваньку валять!

Тоня. А как же я?

Володя. Ты остаешься!

Тоня. Нет, я не остаюсь, я еду с тобой!

Володя. Изнеженная московская барышня!

Тоня. А как же наша любовь до гроба?

Володя. Любовь?

Тоня. Да, любовь! Разве мы не счастливы с тобой?

Володя. В том-то и дело, что слишком счастливы, в этом-то и весь ужас. Я устал жить в этом подслащенном болоте, я хочу великих потрясений! Люблю, люблю, люблю! Мещанство! Поеду на целину, найду там

себе простую русскую деревенскую бабу, в теле, молочного направления, с глазами, как васильковое поле, чтобы на гармонии играла. Она мне нарожает детей! Я хочу чувствовать запах свежеспаханной земли. Зачем я приехал из деревни в этот проклятый город. Я простой деревенский человек!

Вера. Уже не на ГРЭС, на целину собрался! Слетай-ка ты лучше на Луну!

Тоня. Я тоже хотела родить, ты же сам сказал, что не можешь пока расплыться на детей, что положил свою жизнь на алтарь науки.

Володя. С твоей куриной попкой только рожать!

Тоня. Володя, как тебе не стыдно!

Володя. Мне не стыдно!

Тоня. Значит, ты бросаешь меня?

Володя. Да.

Тоня. Но мы же хорошо жили, душа в душу, нам же все завидовали!

Вера. Завидуем, завидуем, мы вам завидуем, честное слово!

Володя.

Не бойтесь бурь, пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!
Ей все равно с дороги не свернуть,
Которую сознание начертило.

Тоня. А как же твоя диссертация?

Володя. Я устал от интеллигенции и от умных разговоров! Родился, женился, ходил на службу в вуз и умер в московской квартире!

Тоня. И вот так поедешь на целину в демисезонном плаще и ботинках! В Казахстане сейчас метели!

Вера. Надо его вязать! У тебя есть веревка?

Тоня. На балконе.

Володя. Десять лет тому назад я приехал в Москву без ничего, в плаще и ботинках, так и уеду отсюда! Нет, плаща не было! И перчаток тоже не было!

Вера (*пытаясь поймать Володю*). Какой скользкий, зараза.

Тоня. Не он, это плащ болоньевый.

Володя. Врешь, не возьмешь! (*Уворачивается.*) Вы мне обе отвратительны, мещанки. Что, мечтала стать профессорской женой, жить на даче летом, ходить в Большой театр, знакомиться со знаменитостями, чтобы летом на пляже в провинциальной Ялте рассказывать об этом случайным отдыхающим, лежа на верблюжьей подстилке?

Тоня. Володя!

Володя. Не волнуйся, мне выдадут ватник и валенки! (*Убегает.*)

Тоня. Все, я потеряла любимого человека. Навсегда!

Вера. Не переживай, вернется.

Тоня. Пойду тетради проверять, вчера у восьмого «Б» была контрольная работа.

Вера. Если Коля придет, скажи, что меня дома нет.

Тоня. Скажу.

Вера. Ах, семь бед — один ответ, влюбилась я, Антонина.

Тоня. Опять.

Вера. Что поделаешь, влюбчивая я.

Тоня. Развратная.

Вера. Неправда, это была настоящая любовь. С первого взгляда.

Тоня. А бухгалтер из жилуправления, а тренер по лыжам, а шофер из Моссовета?

Вера. Я ошибалась! Имею я право на ошибку?

Тоня. Где ж ты на этот раз свою голову потеряла?

Вера. Между пятым и шестым этажом... на лестничной площадке, я сейчас расскажу.

Тоня. Я не хочу ничего знать! Фу, какая мерзость!

Вера. Иду я во вторник по Сретенке, иду, мечтаю... о любви, о большой любви... и только я в мыслях согрешила, вижу, мне навстречу идет офицер, такой бравый, фронтовик, весь в медалях, улыба-

ется мне до ушей, так что коренные зубы видать, а я, дура, ему возьми в ответ да тоже улыбнулась. Он меня схватил в охапку, затащил в подъезд, посадил среди бела дня на подоконник, ой, ой, мама!!! В голове кровь шумит, медали звенят, ой мамочки!

Тоня. Но ты-то, наверное, не очень сопротивлялась.

Вера. Нет, я была счастлива.

Тоня. А дальше-то что?

Вера. А ничего, запрыгнул в ЗИС и уехал, я, говорит, тебя обязательно найду!

Кот. А как вы думаете, кто это был? Этот лихой парень в медалях и гимнастерке? Ну конечно, это был я! Я! Я!

Тоня. От меня только что ушел муж!

Вера. И знаешь, о чем я подумала... ну и досталось же бабам в Европе, ведь наши ребята до самого Берлина дошли. Бедные француженки с немками. А может быть, не бедные, а счастливые?! А?

Тоня. Вот мировая проблема, счастливые они или несчастные, неужели жизнь ни разу не дала тебе повода задуматься о чем-нибудь серьезном?

Вера. Уж куда нам-то до вас! В дверь стучат. Это Коля! Скажи, что меня нет.

Тоня. Поздно.

Входит Коля.

Коля. Голодный как собака, обеда нет, в доме хоть шаром покати. Тебе что, Верка, лень щи сварить?

Вера. Пускай тебе кладовщица из слесарного цеха щи сварит.

Коля. Какая же ты ревнивая, я ж тебе тысячу раз объяснял, не нравятся мне бабы с золотыми зубами.

Тоня. Ой, Николай, как от тебя пахнет дурно! Когда ты перестанешь лакать эту гадость?

Коля. Это не гадость, это прелесть, денатурат высшего качества, чистая энергия пшеничных полей!

Тоня. Так, значит, вы с рабочими пьете за государственный счет?

Коля. Да!

Тоня. А вы знаете, сколько рабочих у нас в стране работают на фабриках и заводах, если каждый присвоит себе государственного имущества на десять копеек, знаете, какой ущерб понесет государство? Огромный ущерб!

Коля. Сегодня ночью Гагарина в космос запустили с человеком на борту. На космонавта потратили спирта столько, что вся страна десять лет могла бы гудеть. А Белка со Стрелкой?! Две вшивые вонючие дворняги. А ты меня, Тоня, из-за одного стакана со свету сживаешь! А ты что, каракатица, глаза прядешь? А ну-ка, иди ко мне ближе, еще ближе.

Вера. Не гипнотизируй меня, я тебе не кролик!

Коля. Еще ближе!

Вера. Иди ты к черту!

Коля. В глаза смотри!

Вера. Отстань.

Коля. А ну, колись, сколько нагрела?

Вера. Пятьдесят.

Коля. Давай сюда!

Вера. Потратила уже. Все до копейки.

Коля. Куда?

Вера. Кофточку я себе купила, с перламутровыми пуговицами и с шоколадницей на плече.

Коля. Ты же мне слово дала, что в последний раз.

Вера. А это и есть последний раз, мы о нем и разговаривали.

Тоня. Значит, не впервой, я так и знала.

Коля. Тебя же посадят!

Вера. На этот раз точно посадят, завтра ревизия. Это все из-за бабочки, она так вышита, как живая. У нее даже лапки с перепоночками и павлиний глаз на крыле.

Коля. Павлиний глаз на крыле?

Вера. Да, павлиний глаз.

Коля. Прости, прости меня, девочка, это я во всем виноват! Ты у меня как королева ходить будешь, вся в американском шмотье от макушки до кончика хвоста! По последнему визгу! Я трус, испугался, испугался, испугался! За свою шкуру испугался! Мне Ступак предлагал место у «Метрополя» и двести долларов дал на развод, а я испугался, за шкуру свою испугался!

Тоня. С ума ты сошел, Коля, за валютные операции высшая мера наказания! Расстрел!

Коля. Зато моя девочка будет как куколка. Вся в капроне, в золоте, на каблуках, вся в перламутровых бабочках!

Тоня. Бандитский притон, а не семья. Воровка и валютчик!

Коля. Две сотни за день — ребята зарабатывают, а я на заводе план перевыполняю. Ничего, ничего... будешь у меня шелках купаться, как жена Буденного, одних лифчиков чемодана два и каждый вечер ресторан, каждый вечер!

Вера. Вот замечательно, я буду вся шикарная в шмотье и цацках, а ты будешь гнить в земле сырой!

Коля. У меня железная стружка на зубах скрипит! А лучше сдохнуть, чем так жить! Хватит, я на Страну Советов поработал, начинается работа на себя.

Тоня. Как тебе не стыдно такое говорить, а еще ударник коммунистического труда!

Вера. Расстреляют тебя, Коля, не надо мне твоих кофточек.

Коля. Дура ты дура, набитая дура! Я что, ради шмотья под пули иду? Я же тебя люблю, я же из-за тебя под пули иду!

Тоня. Вы посмотрите, он под пули идет, тоже мне нашелся Герой Советского Союза!

Вера. Что, правда, из-за меня?

Коля. Иди ко мне, девочка моя. Скажи, ты моя девочка?!

Вера. Я твоя девочка.

Коля. А ты ко мне на могилку ходить будешь?

Вера. Буду.

Коля. Только одно условие — вся в обновке, на платформе, в брюликах. Поклянись!

Вера. Клянусь!

Коля. А хорошо, правда?! Лежу я в гробу, черви меня жрут: хрым, хрым, хрым, хрым. А ты стоишь надо мною вся с иголочки. Красивая, как картинка! Я тебя с прилавка снимаю на веки вечные. Аминь! Обними меня, киска. Скажи, любишь меня?

Вера. Люблю.

Вера и Коля уходят.

Тоня. Она его любит, какая пошлость!

Врывается Володя.

Володя. Я был в театре! Я видел гениальный спектакль!

Тоня. Неужели? А я-то думала, ты уж боронишь да ешь.

Володя. Купил билет до Оренбурга, куда деваться, дождь как из ведра, зашел в театр, чтобы время скоротать, поезд ровно в ноль-ноль! Как он играет!

Тоня. Кто?

Володя. Высоцкий! Я смотрел спектакль, и вдруг меня осенило! Я буду актером! Я дождался Высоцкого на служебном входе и познакомился. Мы пошли после спектакля в пивную, мы читали друг другу стихи. Я ему сплясал, спел и даже прочитал басню. Он сказал, что я смогу быть актером!

Тоня. А возраст? Тебе уже тридцать скоро.

Володя. Он сказал, что никогда не поздно, что я талант. Я поступаю в театральный, я начинаю все сначала. Я жил не своей жизнью, Тонька, не своею!

Тоня. Много выпили?

Володя. Перестань! Мне сейчас как никогда нужна твоя поддержка!

Тоня. Ты что, опять меня полюбил?

Володя. Это рок! Мне нужен был скандал, чтобы уйти из дома, купить билет на поезд и, в конце концов, оказаться в театре. Я не дышал три часа. Как он играет! Я смотрел на него, и вдруг меня осенило, а ведь я тоже так могу! И не хуже!

Тоня. А если не сможешь?

Володя. Не так, как он, конечно, по-своему, однако блистательно сыграю!

Тоня. Ты сумасшедший!

Володя. Я много лет страдал от того только, что чувствовал свой талант, но никак не мог найти его применение, я — актер! Теперь я это знаю.

Тоня. У тебя ноги промокли.

Володя. Обиделась на меня?

Тоня. Нет.

Володя. Не надо мне этой деревенской бабы с васильковыми глазами, да ее, быть может, вообще в природе не существует. Мне скучно жить свою единственную жизнь, я хочу прожить миллион разных жизней. В судьбе человека есть тайна, разве не актер разгадывает ее? Не за письменным столом или книгой, в полном одиночестве, а на сцене, в присутствии сотен людей, он делает свое открытие.

Тоня. Поступай как знаешь. Я тебя благословляю.

Володя (*падает на колени, целует Тонины колени*). Спасибо тебе, родная моя! Родная, спасибо тебе, спасибо!

Тоня. У тебя голова мокрая, быстро в душ.

Володя. Быть или не быть, вот в чем вопрос, достойно ли смириться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление...

4

Та же самая коммунальная квартира.

Коля. Ты посмотри, что я принес!

Вера. Пальто из джерси! Американское!

Коля. Легкое как пух, сто тридцать грамм.

Вера. Я завтра же надену в театр. У Володи премьеры, ты знаешь, ему присвоили звание заслуженного артиста!

Коля. Не надо в театр.

Вера. Но почему?

Коля. Сама прекрасно знаешь почему.

Вера. Нет, я не знаю, Коля!

Коля. Пальтишко не просто модное, Вера, оно экстра-класса! Здесь определенный закон существует, нам его нарушать нельзя. Сначала жены совработников, потом жены дипломатов, а потом, под шумок, и мы. Собирайся, поедем поужинаем в «Арагви».

Вера. Хорошо, я надену его в «Арагви».

Коля. Нет.

Вера. Какое жаркое, можно, я в нем хоть на балкон выйду?

Коля. погоди минутку, скоро стемнеет.

Вера. Ну, это уж слишком!

Коля. Через месяц мы его легализуем.

Вера. Я сейчас приду.

Коля. Куда ты?

Вера. Антонине покажу.

Коля. Ни в коем случае!

Вера. Почему?

Коля. Не выдержат нервы, настучит.

Вера. Она моя самая близкая подруга!

Коля. Я не доверяю советской интеллигенции.

Вера. Какое мне удовольствие от вещи, если я ее самой близкой подруге показать не могу?! Что мне, солить твои шмотки?

Коля. Имей терпение.

Вера. Я знаю, что с ним делать! Я буду спать в пальто!

Коля. Спать?

Вера. Я хочу спать. Платье от Диора нельзя, сапоги итальянские нельзя (*надевает сапоги и прочее*), заклепку с бриллиантами нельзя, сумочку из крокодиловой кожи тоже нельзя.

Коля. Вера!

Вера. В итальянских сапогах, в твоём пальто (*ложится в постель в сапогах, пальто, шляпе*), где моя сумочка из крокодильей кожи?! Пожелай мне спокойной ночи и проваливай!

Коля. Не жарко?

Вера. Не прикасайся ко мне!

Коля. Хорошо, поеду поужинаю.

Вера. Приятного аппетита.

Коля. Спокойной ночи!

Вера. Приятного аппетита!

Коля. Спокойной ночи.

Вера. Приятного аппетита!

Коля. Никуда я не поеду!

Вера. Скатертью дорога!

Коля. Я сейчас тебя подниму! Где мои «ребра», куда ты их положила?

Вера. Тише, я сплю!

Коля. Я спрашиваю, мои «ребра» где? Я же просил не выбрасывать!

Вера. Половина двенадцатого ночи, кстати!

Коля. Я их вот здесь на подоконнике оставил.

Вера. Серега приходил Караваев, он попросил, я ему подарила.

Коля. Одну минутку, я сейчас вернусь! Такая музыка, мертвые из могил встают. Сейчас тебе спать захочется! (*Уходит.*)

Вера. Спать, спать, спать, забыться глубоким сном и не просыпаться, никогда больше не просыпаться. Жизнь моя, ты приснилась мне!

Входит полковник Константин Заломов, боевой офицер.

Костя. Вы не скажете, здесь живет Вера Кузнецова?

Вера. Костя!

Костя. Меня назначили в уральскую дивизию. Комдивом! Поезд через полчаса. Поедешь со мной. На сборы минута! Засакаю, время пошло!

Вера (*встает с постели, уже одетая — в пальто и сапогах*). Я готова.

Костя (*смотрит на часы*). Ух ты! Перекрыла норматив в двадцать восемь раз!

Вера. Служу Советскому Союзу!

Костя. Какая ты красивая баба!

Вера. Как долго я тебя ждала!

Костя. По тревоге собираешься на отлично, а вот форма одежды не годится никуда, по уставу кружевной воротничок не положено.

Вера. Костя, что ты делаешь!

Костя. Закатай шинель. Что это? Чулки! Да еще со стрелкой. Грубое нарушение формы одежды!

Вера. Костенька!

Костя. А это что за мотня, тридцать восемь пуговиц, пока расстегнешь, война закончится!

Вера. Костя, миленький, Костя, здесь не надо. Костя, здесь нельзя.

Костя. Это не вам решать, что нельзя и что можно!

Вера. На поезд опоздаем, уже половина восьмого.

Костя. Не может быть! (*Смотрит на часы.*) Поехали!

Вера. Мне надо вещи собрать!

Костя. Отставить. Форма одежды номер три. Вещмешок, скатка, автомат! Некогда, некогда, Верочка!

Вера. Ты прав, мне здесь ничего не надо, я ничего с собой не возьму, ничего не возьму с собой! Провались пропадом!

Вера и Константин уходят.

Входит Тоня.

Тоня. Куда я положила методическое пособие... голуби уже совсем обнаглели... гур-гур-гур, гур-гур-гур... зима была какая-то странная, без снега... учитель физкультуры на уроке сломал ногу... как ему можно доверять чужих детей?

Влетает Володя.

Володя. Здравствуй, это я!

Тоня. Знаешь, что сказал о тебе Грибов? Ура! Он сказал, что ты самый достоверный и психологически точный актер, что ты сыграл лучшего Треплева за последние двадцать лет. К нам за семь дней прислали двенадцать киносценариев, ты стал настоящей знаменитостью!

Володя. Знаешь, что сказал о тебе фарцовщик сегодня утром? Он назвал тебя мочалкой. Мразь! Нечисть!

Тоня. Когда же у нас будет отдельная квартира?!

Володя. И в этом и есть смысл нашей культурной работы, в школе и в театре, чтобы каждое новое поколение становилось просвещеннее предыдущего.

Тоня. Я с тобой согласна, при коммунизме таких, как Николай, не будет!

Володя. Подонок, я должен был его догнать тогда в парке!

Тоня. Вспомнил, это было двадцать лет назад.

Володя. Я стоял в коридоре и ждал, пока эта жирная фурия Елена Александровна выйдет из туалета, он подошел ко мне с сигаркой, пыхнул в лицо заграничным табаком и говорит: «Товарищ заслуженный артист погорелого театра, скажи своей мочалке, — то есть тебе, — чтобы она ночью снимала каблуки, когда идет через весь коридор в клозет».

Тоня. Вот негодяй!

Володя. Не понимаю, зачем такие люди живут на белом свете?

Тоня. Живут зачем-то.

Володя. Была б моя воля, я бы их всех расстрелял — и спекулянта, и твою подружку, тряпичницу.

Тоня. Какое там — расстрелял бы, ты только так говоришь, а сам муху пальцем не обидишь.

Володя. Обоих в расход, рука не дрогнет!

Тоня. Как ты можешь, Володенька, нехорошо.

Володя. К стенке! Заряжай! Огонь!

Тоня. Не говори так больше, мне неприятно! Они тоже люди, не такие, как мы, другие, ну чуточку попроще.

Володя. Они не люди!

Тоня. А кто же?

Володя. Скажи на милость, что отличает такого человека от животного. Всего лишь несколько вещей, можно перечесать по пальцам. Это, во-первых, совесть! У этих отсутствует напрочь. Во-вторых, чувство прекрасного. Никаких запросов. В-третьих, интеллект — у этого в голове две мысли: где украсть и как перекупить. Они не люди, это животные самой низкой организации. Тушканчики, хомяки, суслики! Такие жить не должны, они позорят род человеческий. Куда им понять Гамлета! Я бы их задушил обоих! Своими собственными руками.

Тоня. Господи, да ты муху пальцем не обидишь!

Володя. Ты, мать, меня плохо знаешь!

Тоня. Допустим, на пригорочке сидит маленький тушканчик, такой хорошенький, с глупенькой мордочкой, сидит себе беззаботно и жуёт корешок. Вот я даю тебе палку, ты убил его просто так, только за то, что он не есть существо возвышенных мыслей, как Данте или Аристотель Фиораванти.

Володя. Несомненно, если он заражен холерой и является разносчиком заразы. Я бы взял твою палку и убил бы тушканчика!

Тоня. А я бы не смогла.

Володя. Даже если бы знала, что он разносчик чумы и что дети тоже могут заболеть?

Тоня. Нет. Я бы не стала убивать тушканчика, я бы нашла какой-нибудь другой способ.

Володя. Какой способ?

Тоня. Я бы его вылечила.

Володя. Как это?

Тоня. Сделала прививку.

Володя. Допустим, тушканчику можно сделать прививку, но разве человеку можно сделать прививку от низости, от преступления? Этого к стенке. А подругу твою, тунядку, на общественные работы — сортиры чистить. Ты учительница. Ты член партии. У тебя на глазах воруют, а ты рассказываешь детям о моральном кодексе строителя коммунизма. Ей тушканчика жалко! Она его вылечит! Не вылечишь! Никогда не вылечишь!

Тоня. Вылечу!

Володя. Не вылечишь!

Тоня. Вылечу, вот увидишь, я уже сообщила доктору.

Володя. Какому доктору?

Тоня. Вчера я была в приемной Комитета государственной безопасности, я все рассказала.

Володя. Где ты была?

Тоня. Я сказала доктору, что наш тушканчик болен вирусом легкой наживы, что он слушает американскую музыку, торгует долларами, носит все заграничное и разлагает молодежь... моего ученика Хлебороденко научил танцевать буги-вуги и курить. Доктор сказал, что подобные болезни поддаются лечению!

Володя. Ты понимаешь, что наделала?

Тоня. Ты прав! Я член партии, я преподаватель истории, я не имею морального права учить детей, покрывая чужие преступления, я не могу больше смотреть в глаза детям!

Володя. Ты понимаешь, что натворила?!

Тоня. Что?

Володя. Ты уже убила его!

Тоня. Кого?

Володя. Тушканчика. Все!!! Конец тушканчику!!! Амба!

Тоня. Не говори глупостей, никого я не убивала! Я выполнила свой гражданский долг!

Володя. Его расстреляют!

Тоня. Это неизвестно, суд еще не вынес свой вердикт! А что ты так переживаешь, ты же сам, первый, хотел его расстрелять! Ты сам говорил, что будет легче дышать.

Володя. Одно дело — говорить, другое дело!..

Тоня. Я не могу смотреть в глаза детям!

Володя. А ты бы и не смотрела им в глаза!

Тоня. А куда мне смотреть?

Володя. В пол! В потолок!

Тоня. Хорош педагог, который смотрит в пол и в потолок!

Володя. Ничего особенного! У нас в деревне была учительница из переселенцев, она смотрела в окно! Рассказывает урок и смотрит в окно!

Тоня. Неужели?!

Володя. Она была слабая женщина, никогда не могла отказать — ни преподавателю алгебры, ни завхозу, никому! И она знала, что мы все знаем, и поэтому прятала глаза!

Тоня. Это был мой звездный час, единственный поступок в жизни! Все остальное время я не сплю ночами, чужие дети мотают мои нервы, я проверяю тетради, стою за плитой, чтобы накормить своего гениального мужа. Ты имеешь право на искусство, науку, а я не могу совершить один-единственный гражданский поступок! С кем ты меня сравниваешь? С какой-то полупроституткой в личине советского учителя, которая смотрит в окно! Как тебе не стыдно, неужели ты не можешь понять меня, всей

силы, всей правды моего поступка! Ты думаешь, это было легко, пойти в приемную Комитета государственной безопасности!

Володя. Твоя самая близкая подруга — вдова.

Тоня. Она его не любит, она только и мечтает, как бы поскорее от него избавиться.

Володя. Откуда тебе известно, любит она его или не любит?

Тоня. Она сама об этом мне говорит.

Володя. Мало ли кто что говорит, нельзя же принимать все буквально, за чистую монету, — что послезавтра в этой стране будет коммунизм, что мы догоним и перегоним Америку, что твоя подруга не любит своего мужа.

Тоня. Так, значит, ты сомневаешься в том, что мы догоним и перегоним Америку?

Володя. Все! Хватит! Я больше не могу слышать этот бред!

Тоня. Нет, скажи: ты сомневаешься в том, что мы догоним и перегоним Америку?

Володя. У меня сегодня детский спектакль, мне нужно повторить роль, я играю Чиполлино.

Тоня. Нет, ты скажи, неужели ты не веришь в то, что мы догоним и перегоним Америку?

Володя. Чиполлино, Чиполлино, луковая голова! (*Уходит.*)

Вбегает Вера.

Вера. Я сбежала от Николая!

Тоня. Куда?

Вера. В Сибирь! Только что, с офицером!

Тоня. Который на подоконнике?

Вера. Ага!

Тоня. Зашла попрощаться?

Вера. Наоборот, я с вокзала бегом... к тебе! Если придет полковник... меня нет.

Тоня. Как странно ты сбежала с ним в Сибирь.

Вера. Рассказываю. Со своим разругалась вдрызг! Залезла с головой под одеяло, чтобы не видеть и не слышать. Лежу, рыдаю в темноте, в сапогах и пальто.

Тоня. Почему в сапогах и пальто?

Вера. Вопросы потом. Вдруг открывается дверь. Входит он. Звезды на погонах сияют. Я на тебе женюсь, машина внизу, поезд через полчаса. Я обрадовалась как дура! Раз-два! Сели-поехали. Сколько о нем вспоминала, Богу молилась, тосковала.

Тоня. Знаешь, а из тебя получилась бы хорошая офицерская жена.

Вера. Сели в поезд. Костя скинул шинель и говорит... сапоги новые хромовые ой жмут. Давай их снимать. Только он их снял...

Тоня. Ну и что?

Вера. Только он их снял!..

Тоня. Ну снял, ну, что дальше?

Вера. Я, Тонька, чуть сознание не потеряла.

Тоня. Протезы? Ног нет?

Вера. Вонючка такая!

Тоня. Вот тебе, батенька, и Юрьев день!

Вера. Вскочила я и бежать со всех ног, а он за мной! На перроне провожающих миллион. Вдруг оглядываюсь, его нет! Затерялась. Он, наверное, сапоги с гражданской не снимал!

Тоня. Напрасно, надо было потерпеть. Все-таки жена офицера — это почетно! Да и зарплата у высшего состава хорошая.

Вера. Терпеть не могу мужское амбре.

Тоня. Куда уж там, к французским одеколону приучена.

Вера. Почему красивым Бог счастья не дает, не знаешь?

Тоня. Ты еще молодая, у тебя еще все впереди. Еще влюбишься.

Вера. Да как я влюблюсь, в кого? Колька — он же умалишенный, ко мне никого близко не подпускает!

Он меня когда-нибудь зарежет, вот увидишь, так... просто... от бешеной любви. Я иногда, Господи, прости меня, грешную, — думаю, хоть бы его посадили поскорее!

Тоня. Уже скоро, потерпи еще недельку-другую.

Вера. Что ты сказала?

Тоня. Я вчера была в приемной Комитета государственной безопасности, я рассказала про все его подвиги. Скоро у тебя все образуется.

Вера. Тонька! Милая моя Тонечка!

Тоня. Успокойся!

Вера. Я буду встречаться с кем захочу, одеваться как захочу, это же абсолютная свобода!

Тоня. Абсолютная свобода — тезис буржуазной идеалистической философии, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Вера. Мне опротивели блатные, я хочу влюбиться в хорошего человека, в инженера, поэта, наконец. Мне нравится Андрей Вознесенский, я видела, как он читает стихи на площади, я красивая, я его в три раза окручу, он богатенький, в Америку ездил. И вообще, сейчас поэты входят в моду.

Тоня. Ты подумай, о чем ему с тобой разговаривать, у тебя кругозор ничтожный, как у воробья, ни образования нет, ни эрудиции.

Вера. Не волнуйся, я найду, чем с ним заняться. Слушай, Тонька, а у тебя есть Вознесенский?

Тоня. Есть.

Вера. Дашь почитать?

Тоня. Дам!

Входит Коля.

Коля. Ну что, выспалась?

Вера. Выспалась.

Коля. Объявляются танцы!

Тоня. Пожалуйста, не трогай меня руками.

Коля. Какая ты аппетитная герла, Антонина!

Тоня. Ты был простым рабочим парнем и на глазах превратился в стилиягу. Ты попал под тлетворное влияние западной идеологии. Это музыка толстых, нам, советским людям, зачем ее слушать?

Коля. Что танцуем? Атомный или канадский? Тройной гамбургский! В обжимочку!

Тоня. Извините, но я танцую только вальсы.

Вера. Не подходи ко мне!

Коля. Мы будем получать удовольствие от жизни или бодаться?

Тоня. Ты раньше был простым парнем, во что ты превратился? Фарцуешь, спекулируешь, все по ресторанам, ничего тебя в жизни не интересует — ни книги, ни кино. Ты смотрел Тарковского «Солярис»?

Коля. Нет.

Тоня. Весь народ живет своей жизнью, а ты своей. Неужели тебе не скучно, не одиноко?

Коля. Мне весело.

Тоня. Люди, живущие в этой стране, мы все огромная семья, нас миллионы, а ты один. Пойми, так долго продолжаться не может!

Коля. Я не один, у меня есть моя Манечка, она сладкая девочка.

Тоня. Если думаешь, что мы, советские люди, махнули на тебя рукой, ты заблуждаешься.

Вера. Я не хочу танцевать!

Тоня. При коммунизме не будет никакой необходимости менять доллары на рубли, потому что денег не будет! Чем ты будешь спекулировать? Победа коммунизма неизбежна во всех странах.

Коля. Не волнуйся, мне всегда найдется работа.

Тоня. Интересно, что же это ты будешь делать?

Коля. Я буду вас растлевать. Тебя, твоего Володьку, Верку. Всех!

Тоня. Ее уже не надо, ты ее уже растлил!

Коля. Мало, мало, надо больше, иди ко мне, радость моя.

Вера. Как ты мне надоел!

Коля. Я не знаю, будет ли ваш коммунизм через двадцать лет, но джаз будет и через тысячу лет, это уж точно.

Тоня. В последний раз тебя предупреждаю: мы, советские люди, не будем бесконечно терпеть этот шабаш.

Коля. Сеня взял послушать «Шокинг блю» и зацарапал до смерти! Прошу тебя, никогда больше не отдавай ему мои «ребра».

Тоня. Выброси этот хлам, наконец! Зачем мы купили «Грюндик»?

Коля: Где моя музычка? (*Рассматривая «ребра» на свет.*)

Где она, моя пластиночка? Так, так, так, только что держал в руках. «Блюз в ночи» — перелом правой ключицы, не то. «Фантазия в черно-коричневых тонах», Эллингтон — вывих бедра, не то. Амстронг — разрыв задней стенки желудка, нет, не то. Петя Лещенко — воспаление мочевого пузыря. Не оно. Ага! Есть! Уоллер «Праздник в джунглях»!!! Так, фамилия больного, извините, не больного, а жмурика. Дата смерти шестнадцатое марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, бедняге проломили череп сразу в двух местах, фамилия почившего Сергей Васильевич Носов. Серега, бедняга. Мой сосед, мы с ним в одной квартире после войны жили на Скатертном. Эх, дядя Сережа, помнишь, как ты катал меня на своей холке, учил пить водку через губу с открытым горлом! Ты носил на своем лице негаснущую улыбку, разрезанную на две части сталинградским шрамом. Я заведу патефон, опущу вниз железную иглу, и она будет царапать твой череп, издавая оглушительно прекрасную музыку, а мы станцуем с Манечкой под эту самую прекрасную в мире музыку самый прекрас-

ный в мире танчик. Интересно, как звенит у тебя в голове после смерти, какой волшебник соединил джаз и фотографический отпечаток твоего черепа. Бедный, бедный дядя Сережа. *(Ставит музыку.)*

Звучит блюз.

38 **Тоня.** Я не могу это слышать, какофония! *(Уходит.)*

Вера и Коля танцуют.

Коля. О чем ты молчишь, Верочка?

Вера. Не понимаю тебя, как это можно о чем-то молчать, я ни о чем не молчу.

Коля. Ложь!

Вера. Раньше ты ничего не боялся!

Коля. Не об этом ты молчишь. Посмотри мне в глаза.

Вера. Ты стал слишком мнительный.

Коля. Какой-то фраер ходит за мной четыре месяца. Как тень.

Вера. Страшно? А когда-то ради меня готов был под пули.

Коля. Ты знаешь, кто этот человек?

Вера. Не знаю.

Коля. Поклянись, что не знаешь!

Вера. Чем?

Коля. Нашей любовью.

Вера. Клянусь.

Коля. Лучше бы ты мне финский нож в сердце вогнала... по самую рукоятку! *(Достает валюту из тайника.)*

Вера. Что ты делаешь, тебе нельзя брать доллары с собой.

Коля. Прощайте, меня звали Колей. *(Уходит.)*

Входит Тоня.

Тоня. Ушел?

Вера. Ушел.

Тоня. Я тебе не хотела говорить, но проболтаюсь, все-таки ты моя самая близкая подруга, не могу больше в себе держать! Этой весной мы с Володенькой в составе советской кинематографической делегации поедem в Канны, во Францию, на фестиваль! Говорят, что наш фильм будет в основном конкурсе. Володенька сыграл главную роль. Наверное, я увижу Париж, ты представляешь, мы будем сидеть за одним столиком в ресторане с Лоллобриджидой! Фантастика! Скажи честно, ты мне завидуешь?

Вера. Да!

Тоня. Надеюсь, белой завистью?

Вера. Черной.

Тоня. Это нехорошо, Верочка!

Вера. Ничего с собой поделатъ не могу.

Тоня. То есть как это?

Вера. Я не хочу, чтобы вы поехали на фестиваль!

Тоня. Ты шутишь?

Вера. Не шучу.

Тоня. Перестань сейчас же. Как тебе не стыдно?

Вера. Вы никуда не поедете!

Тоня. Замолчи сейчас же!

Вера. Вот увидишь!

Тоня. Нет, мы поедem, мы будем ехать в поезде через всю Европу, мы будем купаться в Атлантическом океане и есть устриц, мы с Володенькой это заслужили, мы столько лет занимались самоусовершенствованием, работали, учились!

Вера. Нет! Нет! Нет! Нет! Никуда вы не поедете!

Врывается Володя.

Володя. Поздравьте меня! Я оставил сцену! Навсегда!

Тоня. Как это — оставил сцену?

Володя. Я играл свой монолог, и все как будто шло как по маслу, обыкновенная мизансцена, и вдруг меня как будто осенило! Что я делаю здесь, на этой

сцене, с луковицей на голове, когда у моего отца душа не отмоленная!

Тоня. О чем ты, я не понимаю!

Володя. Он же расстреливал, сотнями людей вешал на деревьях, как елочные игрушки, он же священников живьем закапывал в землю! Мой отец в аду горит, а я хожу по сцене, играю в дурацкой пьесе, кокетничаю с синьором Помидором, кривляюсь! Я стоял рядом с кулисой и вдруг услышал его голос: больно мне, Володенька, больно, ой как мне больно, в огне я горю! Я посмотрел на авансцену, а он стоит в красноармейской папахе перед рампой, весь в крови, протягивает ко мне багровые руки и плачет: «Отмоли, Володенька, мою душу у Господа!» Мне Дуров подает реплику, а я бросил играть, упал на колени и стал молиться Богу.

Тоня. В зале были дети, я представляю себе, как ты их напугал.

Володя. Ничего подобного, пока мы играли Чиполлино, они плохо смотрели, шумели даже, а когда я стал творить молитву, они замолчали и стали слушать, зал-то был полный, а я поднял на них свои глаза, полные слез, и подумал, как же это живые души оставили без Бога. И тогда я сказал им... «Дети, у вас отняли Бога!»

Тоня. Прямо во время спектакля?

Володя. Да, во время спектакля!

Вера. Накрылись Канны медным тазом! Никуда вы не поедете!

Володя. На сцену выбежали пожарники, директор, схватили меня под руки и унесли! Закрыли в гримерной, но я сбежал, с третьего этажа сбежал! Через окно сбежал! По трубе сбежал!

Тоня. Ты понимаешь, что с тобой будет, теперь тебя выгонят из театра и никуда больше не возьмут, это же религиозная пропаганда!

Володя. Я хочу о душах человеческих молиться, я не си-
ньюр Помидор, не Гамлет и не Алешка Карамазов.

Тоня. Ты меня с ума сводишь, ты меня с ума сводишь,
ты меня сводишь с ума!

Вера. Смотрите-ка, голубь белый на подоконник сел!

Володя. Я в храм хочу, к Богу.

Тоня. Давай спокойно во всем разберемся, это от пере-
утомления! Еще все можно вернуть!

Володя. Заодно и за Кольку помолюсь, убила ты его,
у тебя руки по локоть в крови!

Тоня. Моя совесть чиста.

Володя. Вот увидишь, он тебе еще сниться будет!

Тоня. А как же великое искусство?

Володя. Суета!

Тоня. Володя!

Володя. За твоей спиной пустота, пропасть зияющая,
геенна огненная, ад крошечный! За твоею спиною
ад! Ад! Ад! Крошечный!!! (*Уходит.*)

Вера. Тонечка!

Тоня. Оставь меня в покое, это все из-за тебя, ты не хо-
тела моего счастья, ты никогда его не хотела, все
из-за твоей черной зависти! Ты меня сглазила!

Вера. Ты же коммунист, ты не веришь в существование
потусторонних сил, как я могла сглазить, это все
суеверия!

Тоня уходит.

Входит кот.

Вера. Вася, Василечек, не мурлыкай, иди ко мне. Мне так
плохо, мне так одиноко и на душе тяжело!

Вася. Милая моя девочка, моя любимая!

Вера. Иди, иди ко мне, котик мой!

Вася. Мы с тобой одни в целом мире.

Вера. А жирный-то какой стал, ожирел!

Вася. Она гладит меня против шерсти, ее руки, как
волны, накатывают на летний пляж моего тела,

я таю, как иерусалимская свеча, я теряю сознание.

Вера. Никто меня не любит, разве это любовь, я разве об этом мечтала?

Вася. Говори, говори, говори!

Вера. Где-то по белу свету ходит тот самый мой единственный человек, и мне кажется, что мы с ним скоро встретимся!

Вася. Я теряю голову, я схожу с ума!

Вера. Неужели нет в жизни счастья?!

Вася. Еще, еще, еще!

Вера. Мне никогда не было так грустно!

Вася. Девочка моя, еще!

Вера. Эй, эй, что ты делаешь?

Вася. Люблю тебя, люблю тебя, люблю!

Вера. Куда ты лезешь своей поганой мордой, это уж слишком! *(Бьет его по ушам, хватая за шкирку и бросает от себя.)*

Вася. Взбалмошная идиотка!

Вера. И еще царапается, вот сволочь!

Вася. Сегодня не мой день.

Входит Тоня.

Тоня. Смотри-ка, Васька появился. Шлялся неизвестно где две недели, нашлялся и заявился. Вася, Васенька.

Вера. Развратник, котище, совсем распоясался! Ни стыда ни совести!

Тоня. Что случилось?

Вера. Я его посадила на колени, знаешь, куда он засунул свою морду?!

Тоня. Развратник! А морда какая у него лукавая!!!

Вася. Нисколько не стыдно, дурочка. Что может быть прекраснее обнаженного инстинкта.

Вера. Вышвырни его за дверь!

Вася. Погоди, погоди, ты у меня еще узнаешь! Что такое высокая эротика!

Вера. Пошел вон отсюда.

Тоня. Пойдем, Васька, со мной, тебя молочком напою.
Кс-кс-ксссс. Прости меня (*Вере*), была не права, у тебя серые глаза, ты не могла сглазить, здесь есть какая-то другая причина, наверное, она скрыта в самом Володином характере.

Васька с Тоней уходят.

Вера. Действительно, влюбиться в поэта и жить чистой духовной жизнью, не богато, зато счастливо. Я хочу, чтобы мне посвящали стихи, я хочу путешествовать и пить вино.

*В дверь стучат.
Входит Лучников с цветами.*

Лучников. Майор Комитета государственной безопасности Степан Николаевич Лучников. Ваш муж задержан с поличным с большой суммой валюты во время совершения противозаконной сделки и арестован. Это вам! (*Вручает Верочке цветы.*)

Вера. Мне?

Лучников. Вам.

Вера. Странно.

Лучников. Что странного в том, что женщина вашей красоты получает от мужчины букет?

Вера. Ну что же вы в дверях стоите, проходите, присаживайтесь.

Лучников. Благодарю.

Вера. Может быть, чайку?

Лучников. С удовольствием, замерз ужасно, руки как деревяшки, весь день с утра ходил по улицам за вашим суженым-ряженым. Хитер бобер, я вам доложу! Такие углы в подворотни закладывает, ух ты, держись!

Вера. Какие красивые розы.

Лучников. Между прочим, в испанской поэзии белые розы символизируют чистосердечность и доброту. Вот послушайте.

Я бродила, мама,
в утреннем саду,
среди роз неожиданно
встретила беду.
В розах поутру
я умру.

Вера. Вы любите стихи?

Лучников. До холодного обморока!

Вера. Неужели?

Лучников. Кстати, поэзией увлекся совершенно случайно, ничто в моей жизни не предвещало подобного интереса к высокой литературе, вырос я в семье самой обыкновенной, мать — неграмотная посудомойка, отец — слесарь.

Вера. И как же так случилось?

Лучников. Господин случай всему виной. После демобилизации предложили мне служить в Комитете государственной безопасности. Ну, я, недолго сказать, согласился, романтика... чекисты, так сказать... мушкетеры двадцатого века... да, впрочем, служба как служба, ничего особенного, и вот однажды вызывает меня подполковник Соколов и говорит: «Мы хотим вас внедрить в качестве агента в молодежное литобъединение “Родина”». А я ему в ответ: «Да что вы, Иван Сергеевич, я в литературе ни в зуб ногой». А он говорит: «Ничего, ничего, Лучников, наблатыкаешься». Стал я внедряться, ходить на литературно-художественные посиделки. То на кухне соберемся, то в Политехнический... и так мало-помалу появился у меня интерес к этому делу, и вот однажды, не

поверите, рука сама потянулась к перу и бумаге! Это было глубокой осенью, что-то необычайно возбуждающее было разлито в воздухе. Иду я домой со службы из управления, а стихи слагаются в такт моим шагам! Там-тарарам, там-там-там. Так я стал поэтом.

Вера. Вы пишете стихи?

Лучников. Да, и даже публикуюсь, вот посмотрите, с собой ношу, журнал «Юность», это моя фотография.

Вера. Так, значит, вы поэт?

Лучников. Натуральный, в собственном соку!

Вера. Прочитайте что-нибудь, пожалуйста. Или я сама прочту. *(Берет журнал.)*

Лучников. Это не надо. Я лучше прочту ваше стихотворение, то самое, которое я вам посвятил.

Вера. Вы мне стихи посвятили?

Лучников. Да!

Вера. Когда же вы его успели написать, мы же только что познакомились!

Лучников. Да полноте, Вера Николаевна, ваша квартира уже полтора года находится под наружным наблюдением.

Вера. Неужели?

Лучников. Так точно. Я влюблен в вас с первого взгляда ровно один год и двадцать шесть дней. Вы представить себе не можете, какая это сердечная мука — любить из-за угла! Обожать и не иметь возможности познакомиться. Это большое счастье мне сейчас открыться для вас! А знаете ли вы, когда я вас впервые увидел?

Вера. Когда?

Лучников. Когда вы приехали домой на автомобиле без крыши.

Вера. Сашкина машина, кабриолет седан, трофейная.

Лучников. Я люблю вас, Вера, я хочу, чтобы вы стали моей женой. Так что собирайте вещи, пойдёмте.

Вера. Куда?

Лучников. Ко мне домой, у меня квартирка небольшая, зато отдельная. Не то что ваша!

Вера. Мне всю жизнь везло на решительных мужчин! Вы меня извините, но я так сразу не могу.

Лучников. А как же с полковником Заломовым? Вы не долго раздумывали.

Вера. А вы откуда знаете?

Лучников. Своими глазами наблюдал! О вас я знаю все! Кстати, о герое-освободителе! Он вас не потревожит, его только что госпитализировали с тяжелым сотрясением мозга. Теперь он жесточайшим образом предупрежден и больше не будет вас домогаться! Собирайтесь!

Вера. Не могу! Мне нужно время, чтобы полюбить вас. Вы-то меня давно знаете, а я вас недавно!

Лучников. Не волнуйтесь, я дам вам время полюбить.

Вера. А как же ваша служба, вам от начальства попадет, что вы женитесь на жене фарцовщика.

Лучников. В первый же день, как влюбился, подал рапорт Ивану Сергеевичу, начальству моему, на стол... так, мол, и так, влюбился, снимайте с работы! Однако Иван Сергеевич считает, что вы человек не совсем для общества потерянный, мы вас перекуем. Одевайтесь.

Вера. Я никуда не пойду.

Лучников. Вы очень красивая женщина, сделайте свой выбор... жизнь с поэтом в двухкомнатной квартире, с горячей водой и туалетом, или роман в лагере с конвойным. Вы очень красивая, вам большой любви не миновать.

Вера. Хорошо, я сейчас, минуточку подождите.

Лучников. Собирайтесь, я вас не тороплю.

Вера. Не могу найти косметичку.

Лучников. Вот она, на зеркале.

Вера. Не эту, в форме сердечка, бордовую.

Лучников. В шкафу, в правом ящике

Вера. А вы откуда знаете?

Лучников. Посмотрите, посмотрите.

Вера. Точно есть. Вот черт, а где мои чулки со стрелками?

Так волнуюсь, я ни черта не соображаю.

Лучников. Под диваном, в рыжем кожаном чемодане.

Вера. Вы обладаете телепатией, как Вольф Мессинг!

Лучников. Какая же вы милая, Вера, наивная. Каждую среду, пока вы с другом ужинали в «Арагви», мы до ниточки исследовали вашу квартиру. Николай Семенович изумительно изобретательно прятал валюту, никак не могли-с найти, поэтому так долго и не брали, если бы он ее с собой сегодня не взял в правый нагрудный карман, мы бы за ним еще полгода гонялись с высунутым языком. Зачем он ее взял с собой? Что-то его подвинуло на такой подвиг! Самоубийца!

Вера. А где коротенькое платьице с накидкой?

Лучников. В комодке, во втором ящике сверху!

Вера. Точно! А кольцо с черным жемчугом?

Лучников. В холодильнике, в фольге, под ветчиной.

Вера. Я готова.

Лучников. Одну минуточку, я сейчас, мне нужно срочно отойти, дорога будет длинной, я живу в Мытищах. Надо пойти облегчиться. Кстати, напомните мне, как пройти в туалет.

Вера. Так вы же прекрасно все помните.

Лучников. Признаться, я такой коммунальной квартиры не встречал, как лабиринт на острове Минос.

Вера. Идите до велосипеда, что висит на стене, потом направо, а когда упруетесь в стиральную машину, налево вверх.

Лучников. Одну секундочку, я одну минуточку. (*Уходит*).

Входит Тоня.

Вера. Прощай, я замуж выхожу.

Тоня. За кого?

Вера. За поэта.

Тоня. За Вознесенского?

Вера. Нет.

Тоня. За Евтушенко?

Вера. Нет! За Лучникова!

Тоня. Есть такой поэт?

Вера. Майор КГБ. У него была одна публикация в журнале.

Тоня. Почему мы так несчастны?

Вера. Не знаю. Мне кажется, кто-то издевается над нами!

Голос Лучникова. Сердце мое, все готово, машина внизу.
Поехали.

Тоня. Прощай!

Вера. Прощай!

5

Кот. Ха-ха-ха! Они рыдают! Они повержены! В другой раз будете знать, как мучить животных! Это вам за валериану, за ингаляцию, за алюминиевую кастрюлю! Ровно через двенадцать месяцев почтальон принес письмо, где было сказано, что Коля Егоров расстрелян по приговору суда за учиненный им валютный хаос в стране победившего социализма. Удрученная Верочка тут же бросила постылого поэта и вернулась в дыру, а учительница запила, каждую ночь ей снился расстрелянный Никола. А у Вовы наступил сильнейший кризис сознания, он навсегда завязал с московской жизнью и уехал на Дальний Восток вытягивать промысловые сети из пучин Тихого океана. Прошло двадцать лет. Как один день. В тот памятный вечер я лежал на буфете и наслаждался зрелищем пьяных рабов.

**

Тоня. Все, кайф уходит. Ты не знаешь, Верка, куда кайф уходит?

Вера. За синие реки, за синие горы. Хорошо бы повторить. Грамм по триста.

Вера. А где деньги-то взять?

Тоня. В жизни ничего невозможного нет, надо только верить в себя. Есть пятьдесят восемь копеек, осталось найти три рубля четыре копейки.

Вера. Прямо скажем... деньги немалые.

Тоня. А посуды-то со вчера не осталось?

Вера. Светлая голова у тебя, Тоньчик! Пять бутылок по двенадцать копеек, итого шестьдесят копеек. У нас восемьдесят плюс шестьдесят. Осталось два рубля двадцать копеек! Ничего, ничего! Главное — не отчаиваться! Что могли, все пропили.

Тоня. Все, да не все!

Вера. На что ты намекаешь?

Тоня. На американское пальто из джерси.

Вера. Кто его купит?! Когда от Лучникова уходила, он мне рукав оторвал.

Тоня. Пришьем.

Вера. Я пальто не отдам. Оно у меня — единственная память о Коленьке.

Тоня. Память в душе человеческой, шмотье тут при чем?

Вера. Не отдам!

Тоня. Купим бутылочку! Колю за одно помянем.

Вера. Я пальто не отдам, мне его Николенька подарил, эта вещь мне жизни дороже.

Тоня. К чему такая патетика, скажи, что шмотку жалко.

Вера. Коля — моя единственная в жизни радость, я за него молюсь, я по ночам с ним разговариваю.

Тоня. Его уже нет, разговаривай с ним не разговаривай. Человека нет, а вещь есть. Пальто прекрасное! Его и отдельно от рукава можно продать, клиент сам

пришьет, мы ему скидку сделаем. Вот выпьем водочки, и душа твоя успокоится.

Кот. Вера отвернулась к окну и заплакала. И вдруг мне их стало жаль. До слез! Ладно! Будет! Прощаю! Заплатили за все, сполна! Жизнью своей заплатили! И за ингаляцию, и за валерианку, и за алюминиевую кастрюлю! И только я произнес: «Прощаю», дверь квартиры номер восемь отворилась, и вошел пропахший всеми солеными ветрами Вова Кузнецов!!!

Володя. Здравствуй, Антонина! Это я! Вернулся! Навсегда!

Тоня. Володенька!

Володя. Я не хочу быть ни ученым, ни артистом, ни поэтом, ни романтиком, ни священником. Знаете, кем я буду? Володей Кузнецовым! Я буду самим собой! Хочу жить самой заурядной, обыкновенной и очень счастливой жизнью! А ты, Антонина, будешь моей женой. Я хочу жить для тебя, милая, я хочу, чтобы ты была счастлива! Здравствуй, Вера!

Вера. Здравствуй!

Володя. Я скоро.

Володя уходит.

Тоня. Ты куда?

Володя. Чемодан, вещи остались там внизу, в машине. Я сейчас.

Тоня. Постой, я с тобой!

Володя. Клянусь тебе, я вернусь, обязательно вернусь!

Василий Снегирев (кот). Володя ушел. Дверь квартиры номер восемь отворилась еще раз! И вошел Коля Егоров — элегантный... в элегантном пальто, ботинках и очках.

Коля. Здравствуй, Вера.

Вера. Крестная сила! Николай!

Коля (Вере). Ты совсем не изменилась.

Тоня. Мы пропитали ее спиртом, специально для тебя, чтобы лучше сохранилась.

Вера. Ты что, воскрес? Восстал из гроба?

Коля. Меня приговорили к смертной казни, а через полгода помиловали. Я попросил начальника не сообщать семье, когда узнал, что ты сошлась с легавым.

Вера. Можно, я подойду к тебе поближе?

Тоня. Смотри, какой холеный, какой ухоженный мужчина! Американское пальто!

Коля. Я живу в Нью-Йорке.

Тоня. Ты живешь в Америке?

Коля. Да!

Тоня. Что ты там делаешь?

Коля. Преподаю в университете. Я профессор права.

Тоня. Позволь поинтересоваться, на каком языке ты читаешь лекции? На блатном?

Коля. На французском, английском. Я знаю восемь языков!

Тоня. Где ж ты получил такое шикарное образование?

Коля. В лагере. Со мною вместе на нарах отдыхал цвет общества, интеллигенция, инакомыслящие. Как-никак, двенадцать лет отсидки! Когда меня освободили, я махнул через границу. Ночью в шторм! Из Швеции я эмигрировал в Америку.

Вера. Мы потеряли слишком много времени.

Коля. Не вешай носа, Вера! Мы наверстаем! (*Коля поет*).

Имба-читальня,
Второй этаж.
Там буги-вуги
Лабает джаз.

Мы все за мир,
И мир за нас.
Кто против мира,
Мы вырвем глаз.

Стиляга Робсон
Взял саксофон,
И песнь о мире
Заводит он.

Москва, Калуга,
Лос-Анджелос
Объединились
В один колхоз.

В колхозе этом
Живет одна.
Во имя мира
Дает она.

Колхозный сторож
Иван Кузьмич
Во имя мира
Пропил «москвич».

Мы все — стилиаги,
И мир за нас.
В защиту мира
Лабает джаз.

Занавес.